

ОБЪЕКТЫ УСАДЕБНОЙ ПЛАНИРОВКИ XIV–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В. В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В БОЛЬШОМ СКВЕРЕ

© 2023 г. Р. Н. Модин^{1,*}, В. Ю. Коваль^{1,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: modin.roman@mail.ru

**E-mail: kovaloka@mail.ru

Поступила в редакцию 12.01.2023 г.

После доработки 12.01.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

Деревянные сооружения, входившие в состав усадебных комплексов XIV–первой половины XVI в., представляют собой остатки наземных построек и углубленных в землю погребов. Последние представляли собой бревенчатые срубы, помещенные в вырытый для них котлован. Большинство срубов было сложено из дубовых либо молодых сосновых и еловых бревен, что не позволило получить серию достоверных дендрохронологических дат. Наземные (жилые и хозяйственные) постройки сохранились хуже, часть из них погибла в пожаре конца XV в. С жилыми постройками связаны остатки печей, сложенных из сырцовых кирпичей. Компактное расположение изученных сооружений, строительство на одном и том же месте погребов, печей свидетельствует об устойчивой планировке усадебного пространства на протяжении длительного времени – с XIV по середину XVI в. В финале истории участка на нем возник очень крупный погреб глубиной до 5 м, который мог быть связан с временным двором Ивана III конца XV в.

Ключевые слова: археология Москвы, позднее средневековье, культурный слой, усадебная планировка, погреб, сруб.

DOI: 10.31857/S086960632304013X, **EDN:** HEIAPV

В 2019–2021 гг. Институтом археологии РАН проведены раскопки на территории Большого Кремлевского сквера, на участке к востоку от Архангельского собора. Раскопом площадью 288 м² исследованы культурные напластования раннего железного века (вторая половина I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.), эпохи Средневековья и Нового времени (XII–XIX вв.) (Макаров и др., 2020).

Рядом с Архангельским собором, к востоку от него, историографическая традиция помещает двор Владимира Андреевича Храброго, упомянутый в его духовной грамоте 1401–1402 гг. (Духовные..., 1950. С. 50. № 17). Местоположение этого двора фиксирует духовная грамота Василия II 1461 г.: “двор княж Васильевской Ярославича, княж Володимировской, за архангилем Михаилом” (Духовные..., 1950. С. 199. № 61). В 1456 г. он перешел в великокняжеское владение, а в 1492 г. Иван III устраивает “за Архангелом на Ярославичском месте” временный деревянный двор на время строительства новой резиденции (Полное собрание..., 1859. С. 225). Он существовал здесь, по крайней мере, до 1508 г., когда “...вшел князь

великий... в новой двор кирпичной жити...” (Полное собрание..., 1859. С. 249).

Во второй половине XVI в. на этом участке формируется крупный административный центр, начало которому положено строительством в 1565 г. Посольской палаты, “что против Ивана Святого под колоколы” (Полное собрание..., 1906. С. 397, 398). К нему относятся остатки белокаменных фундаментов зданий Старых и Новых Приказов, размещавшихся на этом месте в 1591–1770 гг. (рис. 1). После разборки здания Новых Приказов в ходе расчистки площади для нереализованного проекта по строительству нового Кремлевского дворца эта часть Кремля превратилась в большой пустырь с остатками разрушенных строений, вид которого известен по изображениям конца XVIII–XIX в. (Макаров и др., 2020. Рис. 2). В XIX в. территория была выровнена и занята обширной площадью, частично замощенной кирпичом и занимавшей всю восточную часть Кремлевского холма. Существующий ныне Большой Кремлевский сквер стал формироваться с конца 1930-х годов, но современный парковый облик он приобрел только после 1945 г.

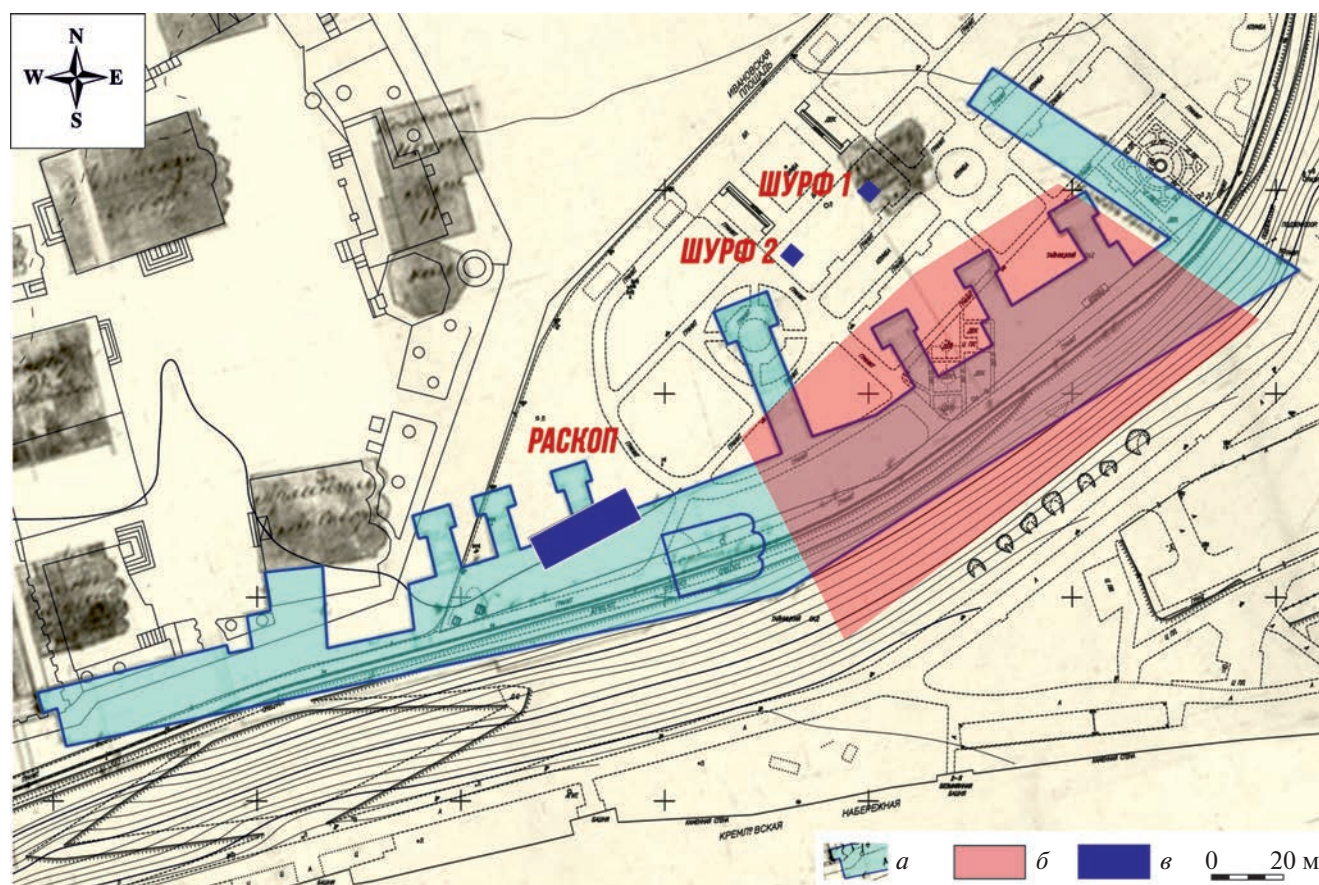

Рис. 1. Схема Большого Сквера, совмещенная с планом XVIII в. Условные обозначения: *а* — контуры здания Приказов 1675–1683 гг. по плану XVIII в.; *б* — зона, поврежденная при строительстве памятника Александру II в 1890–1898 гг.; *в* — раскопы и шурфы ИА РАН 2018–2021 гг.

Fig. 1. A sketch of the Great Garden combined with an 18th century plan

В средневековом культурном слое, сформировавшемся до строительства здания Старых Приказов, выделено пять условных стратиграфических горизонтов (слои 5, 5а, 6, 7, 8), которые суммарно датируются второй половиной XII – третьей четвертью XVI в. С этим временем на раскопе связаны различные объекты усадебной планировки – остатки хозяйственной и жилой застройки. Наиболее крупные из них – остатки наземных деревянных построек и углубленных хозяйственных сооружений. Эти объекты дают общее представление о планировке усадебного пространства. Помимо них исследованы многочисленные хозяйственные ямы, как правило, небольшие по размерам и неглубокие, а также отдельные столбовые ямы и фрагменты частоколов. Все эти объекты неравномерно распределены в культурном слое.

Прослойки, относящиеся к домонгольскому времени, выявлены далеко не на всей площади раскопа. Это объясняется неоднократными перестройками в последующие эпохи, в результате которых ранние напластования были срезаны. Прослойки второй половины XII – первой половины

XIII в. сохранились только в центральной части раскопа. К северо-востоку и юго-западу от этого участка эти прослойки оказались сняты при позднейших строительных работах и обустройстве участка. Однако здесь зафиксированы древнерусские ямы, а в культурном слое более позднего времени присутствует значительная примесь домонгольской керамики и индивидуальных находок. В северо-восточном углу раскопа следы культурного слоя древнерусского времени и связанные с ним углубленные в материк объекты не зафиксированы. Однако площадь, на которой здесь удалось дойти до материка, слишком мала, чтобы делать окончательные выводы. С домонгольским временем на раскопе связаны только небольшие хозяйственные ямы. Остатки каких-либо крупных построек не выявлены (рис. 2, А).

Следующий стратиграфический горизонт датируется второй половиной XIII – второй половиной XIV в. К этому времени относятся остатки двух погребов (сооружения 50 и 60) и несколько хозяйственных ям (рис. 2, Б).

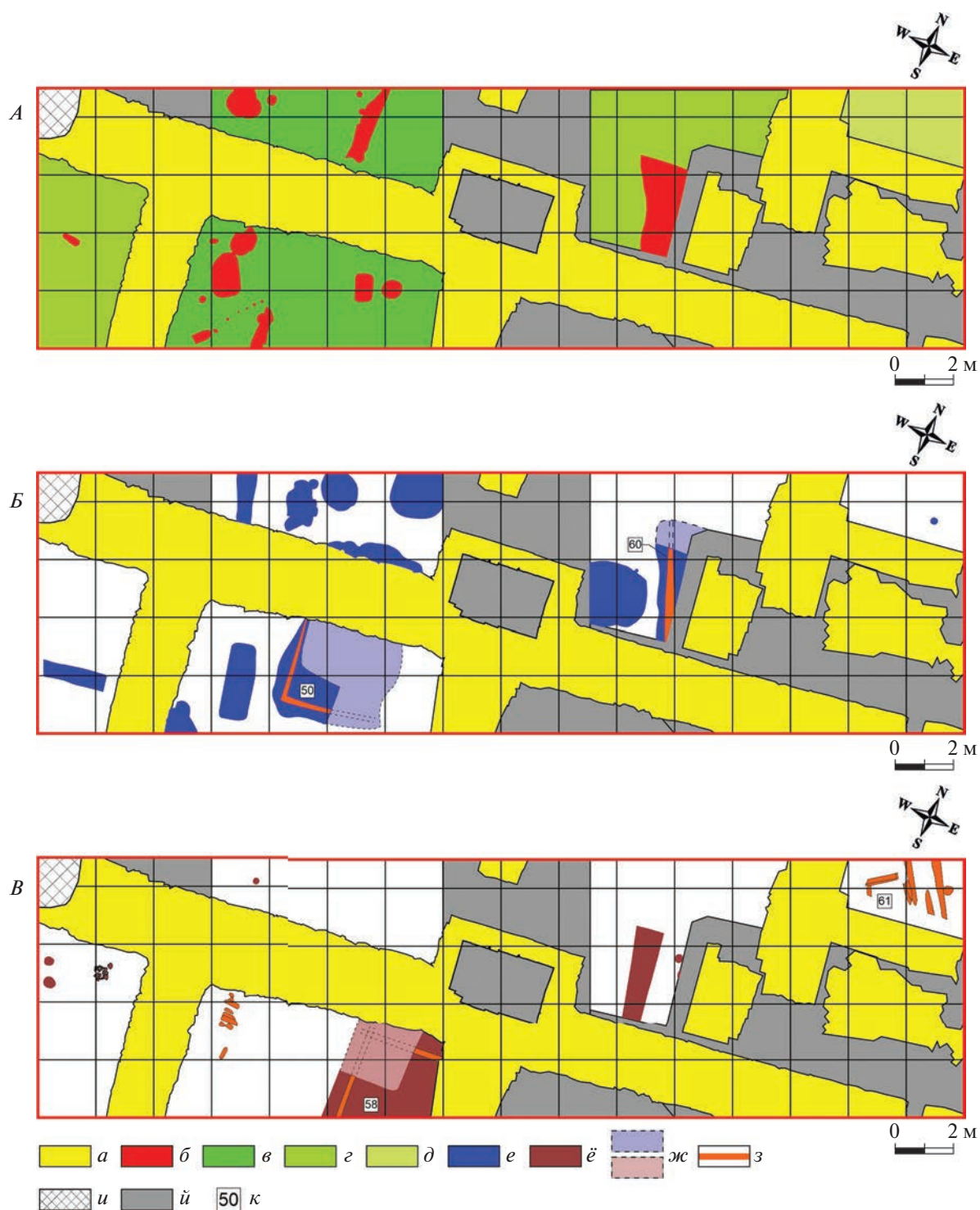

Рис. 2. Планы раскопа с обозначением ям и сооружений домонгольского времени (А), второй половины XII – первой трети XIII в.; Б – второй половины XIII–XV в.; В – XV в. Условные обозначения: а – архитектурные остатки зданий Новых и Старых Приказов; б – ямы домонгольского времени; в/г – участки с сохранившимся/разрушенным культурным слоем второй половины XII – первой трети XIII в.; д – участки, где культурный слой домонгольского времени не выявлен; е – ямы второй половины XIII–XIV в.; ё – ямы XV в.; жс – разрушенные части построек; з – деревянные сооружения; и – перекоп XX в.; й – участки раскопа, не вскрывавшиеся до слоев XVI–XVII вв.; к – номера сооружений.

Fig. 2. Plans of the excavation site indicating pits and structures of the pre-Mongolian period (A), the second half of the 12th – the first third of the 13th century AD; Б – the second half of the 13th–15th century AD; В – 15th century AD

Сооружение 50 представляет собой остатки деревянного сруба, рубленного в обло и помещенного в заглубленный в землю котлован, превосходивший сруб по размерам. Расстояние между стенками котлована и стенками сруба составляет 70–80 см. Верхняя часть сруба полностью истлела. В раскоп попал лишь угол сооружения с частью южной и западной стенок. Остальные его части уничтожены котлованами более поздних погребов (рис. 3, А). Сруб был ориентирован стенками по линии С–Ю. Дерево, из которого сложен сруб, плохой сохранности, представляло собой труху¹, полосы которой имели до 2–3 см в толщину и 9–10 в высоту (рис. 3, Б). Возможно, такие габариты свидетельствуют, что сруб был сложен из плах или колотых досок. Сохранилось не менее 10 венцов общей высотой до 1 м. Судя по глубине котлована относительно неповрежденной поверхности материка, изначально высота сруба составляла не менее 1.7 м (в действительности же, вероятно, еще больше, поскольку дневная поверхность времени строительства размещалась как минимум на 40 см выше горизонта материка). Следы пола не зафиксированы, судя по всему, он был земляной. Внутренний объем сруба был заполнен коричневой супесью с включениями песка, угля, тлена, глины. Пространство между стенками сруба и краем котлована (пазухи) заполнено мешаным грунтом, состоящим в основном из песка, светло-серой, серой и темно-серой супеси, с включениями коричневой супеси, глины и древесного тлена.

Для датировки заполнения постройки важно присутствие в ней обломков золотоордынских керамических импортов — поливных кашинных чаш и тисненых фляг, которые в самой Золотой Орде получают распространение не ранее второй трети XIV в. Но все эти обломки найдены как мусор, попавший в засыпку погребца, ставшего уже ненужным. Следовательно, погреб был засыпан, по-видимому, во второй половине XIV в.

Восточнее располагался еще один погреб — сооружение 60. Конструктивно он аналогичен описанному выше — дубовый сруб², опущенный в котлован. В раскопе удалось проследить только часть юго-западной стенки сруба, ориентированного по линии СЗ–ЮВ (рис. 3, В). Углы сруба в раскоп не попали, поэтому способ их крепления установить невозможно. Всего зафиксировано 10 венцов бревен на высоту 1.4 м. Диаметр бревен — 14–20 см, продольных пазов на них нет. Уровень дневной поверхности, с которой был выкопан котлован, фиксируется по профилю раскопа на

уровне верхнего венца сруба. Следовательно, погреб был засыпан целиком, без разборки верхней части сруба. Следы специальной подготовки поверхности дна котлована (подсыпка, выравнивание, гидроизоляция) отсутствовали.

Внутри сруб заполнен темно-коричневой супесью с включениями красной глины, угля, печины. Керамический комплекс из заполнения сооружения нерепрезентативен, поскольку включал всего 52 обломка керамики, но для датировки имеют значение 3 обломка золотоордынских кашинных чаш. Таким образом, по стратиграфической позиции и находкам погреб можно связывать со слоем второй половины XIV в.

Застройка XV в. менее плотная, чем в предыдущую эпоху (рис. 2, В). В это время на месте сооружения 50 был построен другой погреб (сооружение 58), котлован которого частично прорезал котлован более ранней постройки (рис. 3, А). В зону исследований попала лишь его незначительная (юго-западная) часть. Как и остальные погребца, он представлял собой сруб, поставленный в специально вырытый под него котлован. Расстояние между стенками котлована и срубом составляло 60–80 см. Конструкция ориентирована по линии С–Ю. В раскопе зафиксированы фрагменты двух стенок сруба — южной и западной, которые прорезаны еще более поздним погребом на месте западного угла сооружения. Углы сруба в раскоп не попали. Он был сложен из еловых бревен диаметром 10–16 см, без продольных пазов (рис. 3, Г). От каждой из стенок сохранилось по пять венцов. Дневная поверхность, с которой котлован погребца был впущен в грунт, исходя из общей стратиграфической ситуации, могла находиться примерно на 1.2–1.4 м выше сохранившихся венцов сруба. Таким образом, первоначально сруб мог состоять из 13–14 венцов и имел высоту (глубину заложения) 2–2.2 м. Поскольку никаких следов пожара в погребце не было, а хорошая сохранность нижних венцов исключает полное сгнивание верхней его части, логично предположить, что верхние венцы были разобраны.

Земляным полом сооружения служила подсыпка мощностью 25–30 см из темно-коричневой супеси с включениями угля, глины, песка, тлена, взятой, вероятно, из окружающего культурного слоя. На ее поверхности найден фрагмент лестницы, представлявший собой расколотое пополам сосновое бревно, в котором вырублены выемки-ступени.

Заполнение верхней части сруба до уровня четвертого снизу венца представлено темно-коричневой супесью с включениями древесного тлена и единичными — щепы. Ниже, до уровня подошвы нижнего венца, сруб был заполнен плотно утрамбованной щепой с темно-коричневой

¹ По этой причине определить породу древесины невозможно.

² Здесь и далее все определения пород древесины для построек раскопа выполнены Л.Н. Гриценко (Соловьевой) в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

Рис. 3. Погреба XIV–начала XVI в. *А* – соор. 50, 57, 58; *Б* – стенка соор. 50; *В* – стенка соор. 60; *Г* – стенка соор. 58.

Fig. 3. Cellars of the 14th – early 16th century AD

супесью. Вещевые находки в заполнении этого погребя были немногочисленны (9 шт.), и среди них не было таких, которые могли бы указывать на дату его строительства и функционирования (переотложенные единичные обломки византийских амфор и золотоордынских кашинных чаш явно не относились к их числу). Керамический комплекс из этого грунта по соотношению красноглиняной керамики (УТК³-36 и 11 – 47%) с белоглиняной (УТК-4 и 13 – 2%) имел однозначное сходство с керамикой из слоя XV в. на площади раскопа. Пространство между срубом и стенками котлована было заполнено темно-коричневой супесью с включениями угля, песка, глины. В этом грунте содержалась в основном керамика XIII–XIV вв., доля образцов XV в. составляла всего 5%. Это объясняется тем, что котлован сооружения 58 был впущен в культурные напластования более раннего времени. Сооружение 58 могло появиться в начале XV в., а прекратило существование и было засыпано во второй половине XV в.

На материковом дне котлована внутри сруба выявлены две ямы глубиной около 40 см. Первая круглая в плане, диаметром 68 см, вторая прямоугольная, размерами 96 × 60 см. Возможно, это дренажные колодцы, вырытые в углу погребя для отвода влаги. Такой прием довольно распространен, часто фиксируется при раскопках погребов. Иногда в такие ямы вставлялись деревянные бочки, в которых было выбито дно (Панова, Коваль, 2007. С. 208, 211; Энговатова, 2007. С. 261, 262; Лапшин, 2009. С. 271). Однако обломки византийских амфор из их заполнения не исключают варианта, что они относились к более раннему погребу древнерусского времени, следы которого были уничтожены последующим строительством.

Больше всего объектов усадебной планировки исследовано в слое последней четверти XV – первой четверти XVI в. (рис. 4, А). Слой четко делился на три прослойки, верхняя и нижняя из которых маркируют два крупных пожара. Постройки, возникшие на месте уничтоженных ранним пожаром, затем погибли в следующем.

С горизонтом раннего пожара связаны остатки наземных построек, погреб и несколько небольших ям. Сооружение 32 – остатки деревянной наземной постройки, сгоревшей в пожаре (рис. 5, А). Ее руины разделены фундаментом здания Новых Приказов на две части. Южная часть постройки состоит из шести обугленных бревен, ориентированных по линии 3–В, и одного поперечного им бревна, залегающих в четыре яруса (в нижнем – четыре бревна, в остальных – по одному). Диаметр бревен – от 8 до 22 см. Северная часть по-

стройки исследована на небольшом участке размерами ~2 × 1.5 м, ограниченном бортами раскопа и фундаментом здания Приказов. Эта часть сооружения включала три яруса бревен диаметром от 8 до 40 см: в нижнем ярусе – два бревна, ориентированных по линии С–Ю, выше – одно поперечное, в верхнем ярусе – четыре бревна, ориентированные так же, как в нижнем ярусе. Исследованные фрагменты сооружения слишком малы и не позволяют сделать вывод, было ли оно жилым или хозяйственным.

Остатки еще одной наземной постройки исследованы в 12 м к востоку. От нее сохранились руины печи, зафиксированные в виде трех глиняных массивов (сооружения 54–56) (рис. 6, А). Первый из них – остатки основания печи, сложенного, судя по всему, из сырцовых глиняных кирпичей, отдельные обломки которых были найдены при его разборке. В раскоп попала лишь периферия сооружения, а основная его часть оказалась перекрыта фундаментом здания Новых Приказов. Под глиной расчищены обгорелые остатки деревянного настила, на который было уложено основание печи. Рядом выявлены остатки разрушенной печи в виде двух массивов частично обожженной, частично сырой глины, с отдельными фрагментами сырцовых кирпичей. В углисто-золистом слое, примыкавшем к сооружению, расчищены сильно обгоревший жернов и развал горшка. Вокруг жернова и под ним обнаружено скопление зерна.

К этому же горизонту относятся остатки погребя (сооружение 57), расположенного ровно посередине между описанными выше наземными постройками, каждая из которых могла относиться к нему. Погреб был частично впущен в котлованы уже засыпанных ранних погребов (сооружения 50, 58) (рис. 3, А). Он представлял собой сруб, помещенный в котлован, края которого находились на расстоянии 20–40 см от деревянных стен погребя. Сруб, как и два предыдущих погребя, ориентирован по осям С–Ю и 3–В. В раскоп попала его восточная часть с двумя углами, северная половина погребя была перекрыта белокаменным фундаментом здания Новых Приказов. Сруб рублен в обло из дубовых бревен диаметром 10–16 см. Он имел длину 3.8 м, раскрыт на ширину 1.6 м, его полная ширина не могла превышать 4 м. Сохранилось пять нижних венцов сруба. Чашка расположена в верхней части каждого венца, продольных пазов в бревнах нет. Под нижним венцом около юго-восточного угла зафиксирована подкладка в виде расколотого пополам елового бревна. Верхние бревна сруба были обуглены (рис. 5, Б). Верхний край котлована, в который помещен сруб, находится на 1.5 м выше верхнего из сохранившихся венцов восточной стенки. Таким образом, можно предположить, что изначально сруб состоял из 18–19 венцов и был заглублен при-

³ УТК – условный тип керамики. Здесь и далее аббревиатуры и нумерация типов венчиков горшков приводятся в соответствии с опубликованной типологией и методикой (Коваль, 2016).

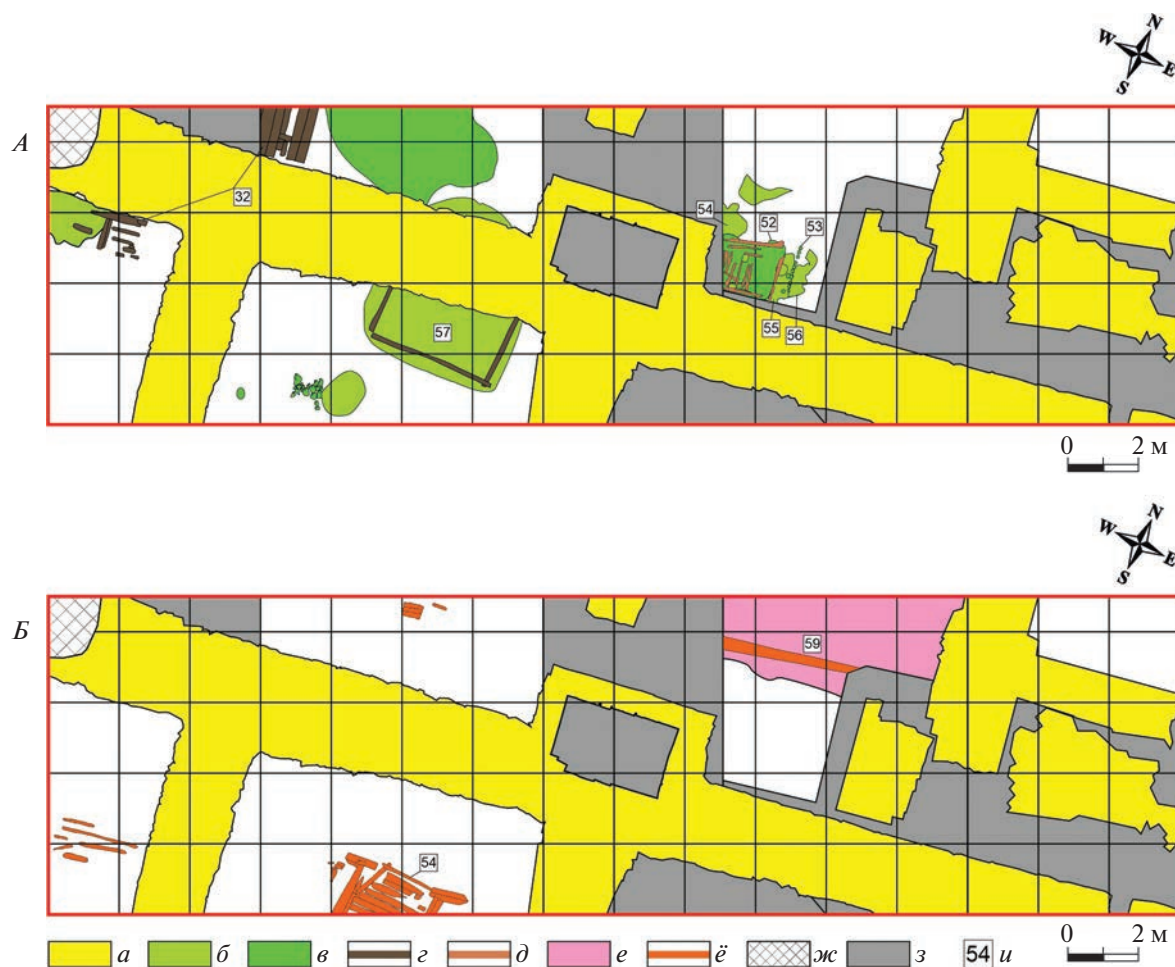

Рис. 4. Планы раскопа с обозначением ям и сооружений последней четверти XV – первой четверти XVI в. (А) и второй–третьей четвертей XVI в. (Б). Условные обозначения: а – архитектурные остатки зданий Новых и Старых Приказов; б – ямы последней четверти XV в. (прослойка раннего пожара); в – ямы последней четверти XV – первой четверти XVI в. (прослойка позднего пожара); з – деревянные сооружения последней четверти XV в. (прослойка раннего пожара); д – деревянные сооружения последней четверти XV – первой четверти XVI в. (прослойка позднего пожара); е/ё – ямы/деревянные сооружения второй – третьей четверти XVI в.; жс – перекоп XX в.; з – участки раскопа, не вскрывавшиеся до слоев XVI–XVII вв.; u – номера сооружений.

Fig. 4. Plans of the excavation site indicating pits and structures of the last quarter of the 15th – the first quarter of the 16th century AD (A) and the second-third quarters of the 16th century AD (B)

мерно на 2.3 м. Пол погреба представлял собой прослойку красной глины толщиной 8–10 см.

Внутри сруба расчищен завал из досок, бревен и плах прямоугольного сечения, возможно, бывших деталями перекрытия и расположенной над котлованом наземной постройки (рис. 3, А). Две широкие (37 и 44 см) толстые (10–12 см) доски с прямоугольными вырубками на концах, лежавшие в самом низу завала, могли быть деталями настила пола наземной части постройки. Большинство бревен и досок в завале сильно обгорели. В отличие от бревен сруба доски и бревна из завала изготовлены из деревьев хвойных пород (сосна, ель). Очевидно, наземная постройка, подпольной частью которой было сооружение 57, погибла в пожаре. При этом верхние бревна погреба (не менее

10–13 венцов), наиболее пострадавшие от огня, в заполнении сооружения отсутствовали, а количество плах и бревен, лежавших на его дне, слишком незначительно по сравнению с тем объемом сгоревшей древесины, которую должен был дать сгоревший дом. Следовательно, на дно погреба попала лишь малая часть остатков пожара, причем даже верхние венцы сруба погреба были из него удалены, а не сброшены на дно котлована.

После пожара и разрушения погреба образовавшаяся яма с полуобгорелыми деревянными деталями на дне была засыпана темно-серой и темно-коричневой супесью, насыщенной углем, с включениями золы, глины, древесины, обожженных камней, обломков кирпичей, щепы, с линзами желтого песка. Керамический комплекс

Рис. 5. Фрагменты построек последней четверти XV в. (прослойка раннего пожара). *А* — сгоревшая наземная постройка (сооруж. 32); *Б* — угол погребца (сооруж. 57).

Fig. 5. Fragments of structures from the last quarter of the 15th century AD (layer of early fire)

из этой засыпи имеет наибольшую близость с набором керамики из слоя последней четверти XV — первой четверти XVI в. на площади раскопа (и в других постройках, связанных с этим слоем и уничтоженных пожаром). Это видно по соотношению красноглиняной кухонной и краснолощенной столовой керамики, с одной стороны (УТК-11 и 12 — 33 и 8%) и белоглиняной, с другой (УТК-4 и 13 — 12 и 0.5%).

Описанные постройки (сооружения 32, 54–57) были разрушены в результате крупного пожара в конце XV в. (возможно, в 1485 г.). После пожара усадебный комплекс был сразу же возобновлен. На месте наземной постройки с печью (сооружения 54–56) возведена новая (рис. 6, *Б*). От этой постройки сохранилось основание печи (сооружение 52) в виде массива обожженной глины размерами 184 × 184 см и мощностью до 16–18 см (рис. 6, *В*). При расчистке глины попадались отдельные брусковидные куски, по форме похожие на кирпичи (рис. 6, *Г*). Очертания кирпичей про-

слеживались внутри глиняного массива и в его разрезе. Таким образом, печное основание было сложено из сырцовых кирпичей. Оно было уложено на настил из досок шириной 4–10 см, сохранившихся в виде трухи толщиной до 2–4 см. Доски были ориентированы по линии С–Ю, под ними находились продольные лаги, положенные на грунт. Основание печи заключено в деревянную конструкцию, зафиксированную в виде фрагментов бревен или плах, сохранившихся в виде трухи толщиной до 6 мм (рис. 6, *В*). Местами прослежено два ряда бревен. Возможны два варианта интерпретации этого объекта. Один предполагает, что это юго-восточный угол дома, в котором стояла печь. В этом случае фрагменты бревен с северной стороны глиняного основания — часть деревянной обноски печи, пристроенной к стене дома. Расположение печей в углу обычно для жилых построек. Другой, в равной мере вероятный вариант — выявленная деревянная конструкция представляла собой отдельный опечек, а располо-

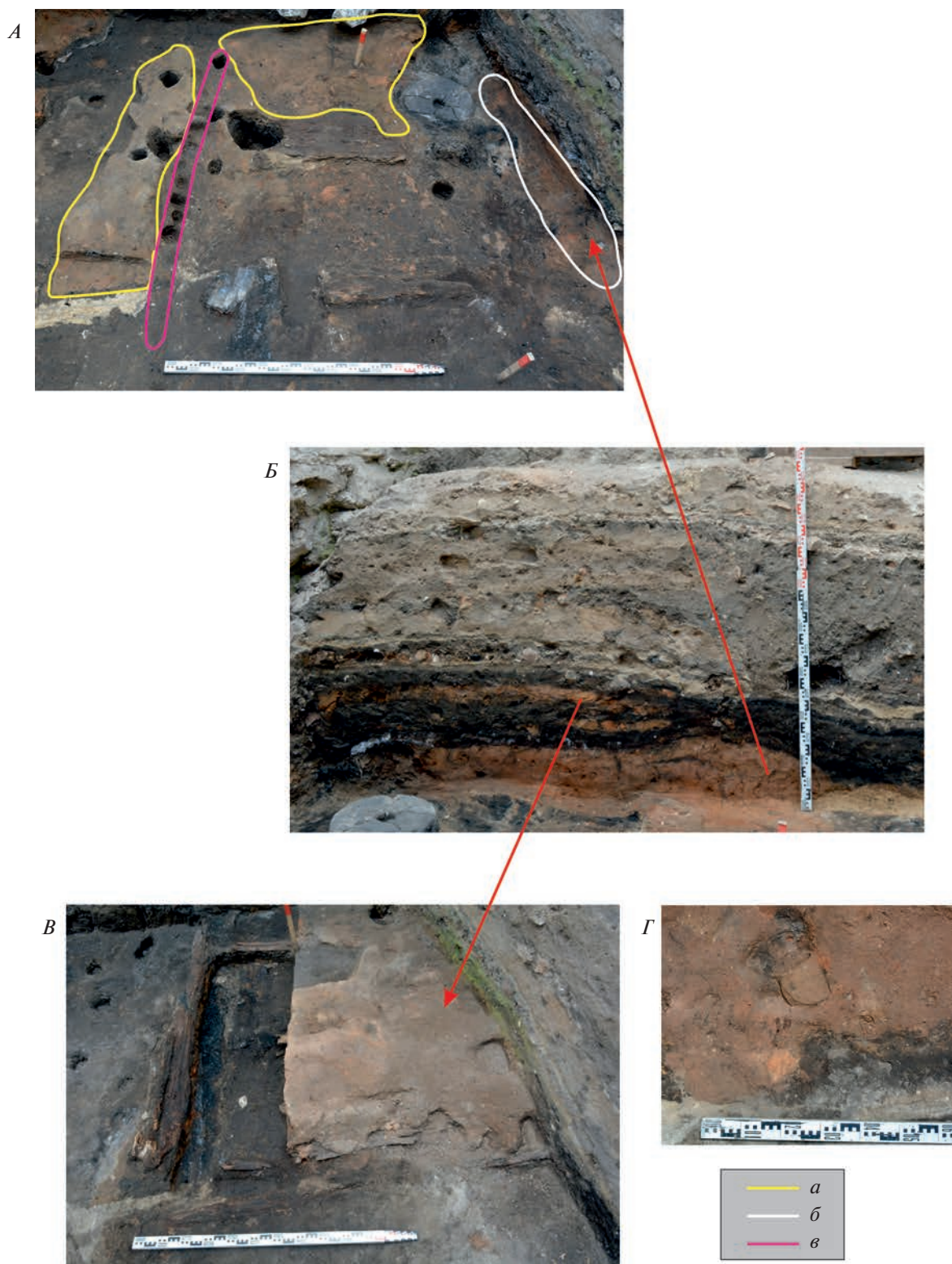

Рис. 6. Остатки печей горизонта последней четверти XV – первой четверти XVI в. *А* – руины печи (сооруж. 54–56) в прослойке раннего пожара (последняя четверть XV в.); *Б* – фрагмент профиля раскопа, на котором видны прослойки, относящиеся к остаткам печей; *В* – руины печи (сооруж. 52) в прослойке позднего пожара последней четверти XV – первой четверти XVI в.); *Г* – фрагмент сырцового кирпича в сооруж. 52. Условные обозначения: *а* – сооруж. 54 (основание печи); *б* – сооруж. 55, 56 (остатки печи); *в* – частокол (сооруж. 53) в прослойке позднего пожара.

Fig. 6. Remains of ovens from the last quarter of the 15th – first quarter of the 16th century AD

жение печи внутри дома в этом случае по имеющимся данным установить невозможно.

Керамический комплекс, связанный с сооружением, типичен для конца XV – первой четверти XVI в. Преобладает красноглиняная московская керамика (УТК-11, в том числе развал горшка) с небольшим присутствием белоглиняной гжельской керамики (УТК-4 и 13).

К западу от печи располагалась крупная яма 2, которая могла быть подпольем наземной постройки. Она вошла в раскоп не полностью. Зафиксированные размеры составили $\sim 5.2 \times 2.6$ м, глубина – 60–65 см. К востоку от печи выявлен частокол (сооружение 53) (рис. 6, А), ориентированный по оси С–Ю, с ямками диаметром 0.4–0.8 см, на линии протяженностью 218 см. Частокол перестраивался – еще одна линия из пяти ямок выявлена на расстоянии 2–14 см от первой. По нивелировочным отметкам дневной уровень частоккола совпадал с дневным уровнем дома, в котором стояла печь. Следовательно, частоккол мог служить оградой усадьбы, включавшей этот дом. Данное обстоятельство важно для понимания планировки исследованной раскопом территории, так как для более ранних этапов границы усадеб не фиксировались.

С периодом, непосредственно предшествовавшим строительству здания Старых Приказов, связаны остатки одной наземной постройки и одного погребка (рис. 4, Б). Остатки деревянной наземной постройки (сооружение 34) исследованы в южной части раскопа. Постройка попала в раскоп не полностью. Размеры исследованной части составляют 3.8×1.8 м. Зафиксирован угол сооружения. Судя по нему, постройка была ориентирована по линии С–Ю. От дерева сохранилась только труха толщиной не более 0.5 см. Выделяется два яруса залегания бревен (рис. 7). Нижний ярус составляют остатки четырех-пяти бревен диаметром 10–30 см, ориентированных по линии С–Ю. Они залегают на расстоянии 40–100 см друг от друга и, вероятно, являются лагами под пол сооружения. Второй ярус составляют доски пола и бревна нижних венцов стен сооружения. Доски пола шириной 14–20 см (не менее 7) уложены вплотную друг к другу. Диаметр бревен стен – до 30 см. Под одно из бревен около угла постройки подложен камень (известняк) размерами 30×40 см. По расширенному фрагменту затруднительно делать выводы о назначении сооружения. Вероятно, оно хозяйственное, по ориентировке совпадает с описанными выше.

Остатки погребка (сооружение 59) исследованы в северо-восточной части раскопа. Это наиболее крупная постройка доприказного периода, выявленная в раскопе. Погреб представлял собой сооружение монументальных размеров, заглубленное на 5 м в землю. О его размерах можно судить

лишь приблизительно, так как основная часть сооружения осталась на участке к северу и северо-западу от раскопа. Кроме того, с северо-востока оно было перекрыто белокаменным фундаментом здания Старых Приказов последней четверти XVI в. (до 1591 г.). Раскрытая в раскопе часть котлована по верхнему краю имела протяженность 6.8 м, следовательно, хотя бы один из размеров погребка превосходил 7 м. Помещенный в котлован сруб был сложен из сосновых бревен диаметром 24–36 см. Прием рубки углов установить не удалось, так как они в раскоп не вошли. Судя по попавшей в раскоп юго-восточной стенке сруба, он был ориентирован по оси СВ–ЮЗ, т.е. несколько иначе, чем все рассмотренные выше погребки.

Юго-восточная стенка сруба расчищена на протяжении 3.2 м на полную сохранившуюся высоту из 17 венцов (4.5 м). Нижний венец был положен на подклад из крупных камней (известняк), уложенных на слой красной глины, составлявший пол погребка (рис. 8, А). Поверхность этого пола находилась на уровне нижней части второго снизу венца. Мощность слоя глины составляла 80–90 см, он перекрывал материковое дно котлована (материк был сложен из песка). Таким образом, глиняный пол служил одновременно и гидроизоляцией сооружения.

По верху бревен сруба вырублены продольные пазы (за исключением самого верхнего бревна, на котором лежало перекрытие) (рис. 8, Б). Бревно 3-го сверху венца было выдавлено грунтом из стенки внутрь погребка и залегало рядом с 4-м венцом. Северо-восточные части бревен 1 и 2-го венцов также были несколько сдвинуты внутрь погребка под давлением грунта с внешней стороны котлована. Эти два бревна залегали в раскопе с большим уклоном с юго-запада на северо-восток – перепад составлял 0.35 м на протяжении 3 м вскрытого участка сруба. Подобная ситуация могла сложиться после строительства здания Старых Приказов, так как фундамент разгрузочной арки каменной постройки давил на грунт как раз с этой стороны. Не исключено, что при каменном строительстве был поврежден восточный угол погребка, что и привело к вывалу бревен. Начиная с 4-го венца, бревна в стенке лежали практически горизонтально. Поверх 1-го венца сруба зафиксированы бревна перекрытия (наката), уложенные по оси СЗ–ЮВ (всего в раскопе их зафиксировано восемь), опиравшиеся своими юго-восточными концами на стенку сруба (рис. 8, В). Их диаметр составлял 18–34 см, лежали они на расстоянии 10–32 см друг от друга, т.е. не составляли сплошной отмоксти. При этом все эти бревна имели сильный уклон к северо-западу (до 45°) и уходили в северо-западный борт раскопа. Их сохранность гораздо хуже, чем у бревен сруба. Внешние концы этих бревен не имели никаких следов обработки (подтески, врубки). Не было

А

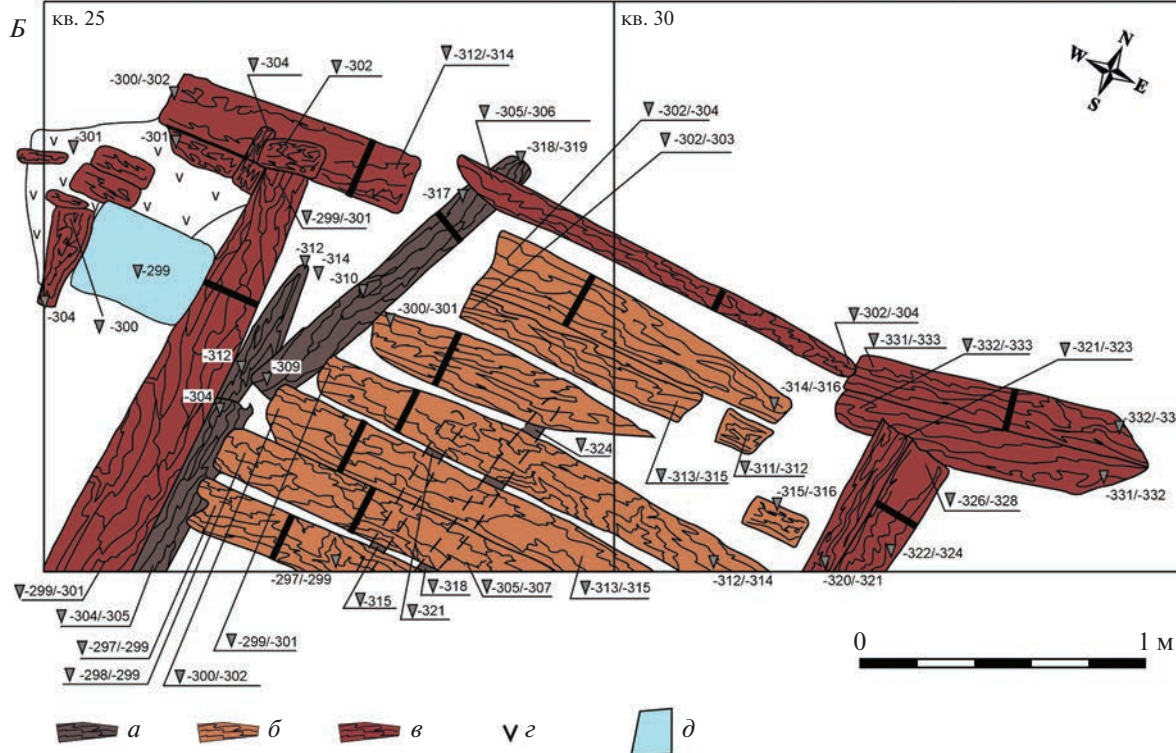

Рис. 7. Наземная постройка второй–третьей четверти XVI в. (сооруж. 34). Условные обозначения: *а* — лаги под пол; *б* — доски пола; *в* — бревна нижних венцов сруба; *г* — уголь; *д* — камень.

Fig. 7. An above-ground structure of the second-third quarter of the 16th century AD (structure 34)

никаких подтесок и на бревне 1-го венца сруба, на который они опирались. Подобные перекрытия (в виде бревенчатых накатов) были широко распространены и неоднократно зафиксированы

при раскопках погребов (Панова, Коваль, 2007. С. 208, 302; Энговатова, 2008. С. 217, 269). Положение бревен наката показывает, что они провалились внутрь погреба, следовательно, в момент

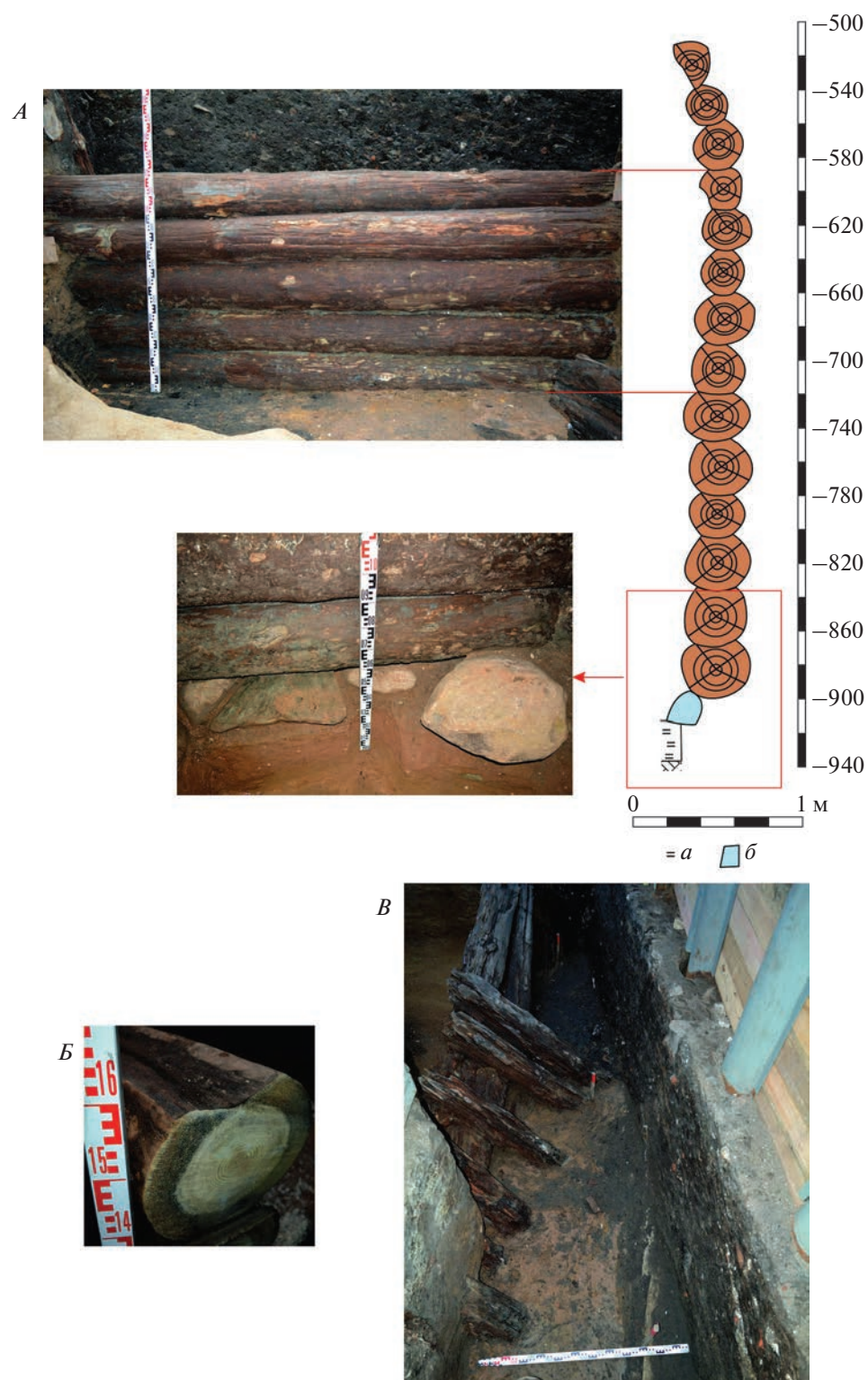

Рис. 8. Погреб второй–третьей четверти XVI в. (сооруж. 59). *А* – стена сруба; *Б* – паз в верхней части венца; *В* – остатки перекрытий. Условные обозначения: *а* – глина; *б* – камень.

Fig. 8. A cellar of the second-third quarter of the 16th century AD (structure 59)

обрушения часть объема погребка не имела никакого заполнения.

Высота внутреннего объема погребка от поверхности глинобитного пола до низа перекрытия составляла около 4 м, т.е. в 2 раза превышала рост даже очень высокого человека. Верхний край котлована, в который был помещен сруб, зафиксирован на 1 м выше верхнего венца и перекрытия сруба. Таким образом, общая глубина котлована погребка от дневной поверхности времени его строительства достигала 5 м. Несомненно, столь крупное сооружение должно было на уровне земли перекрываться какой-то конструкцией, защищавшей погреб от осадков, однако ее следы в раскопе не зафиксированы. Подобные случаи известны. Например, исследованный на Романовом дворе погреб 8, датированный XV в., состоял из двух частей. Нижняя часть представляла собой дощатый ящик, верхняя — более крупный по размерам сруб. Между ящиком и срубом была оставлена ступенька шириной 30–60 см (Археология..., 2009. С. 63, 64).

Пазухи котлована сооружения 59 (пространство между его стенкой и срубом) имели ширину 20–50 см и были заполнены массивами желтого материкового песка, разделенными прослойками, состоявшим из темно-коричневой и темно-серой супесей с включениями глины, угля, печины, песка и тлена. Нижняя часть сруба (ниже уровня основания 12-го венца) была заполнена сплошным слоем белокаменных отесков, как крупных, так и мелких, насыпанных прямо на глинобитный пол погребка. Вероятно, это строительный мусор, связанный с каким-то крупным строительством, проводившимся неподалеку. Мощность слоя отесков составляла 1–1.1 м. На глиняном полу лежала тетива лестницы, также изготовленная из сосны. Длину этой тетивы установить не удалось, так как она выходила за пределы вскрывавшейся части сооружения (вероятно, там была брошена вся тетива целиком и длина ее была значительной).

Поверх слоя отесков залегали прослойки песка и коричневой супеси с песком (20–40 см), а затем массив темно-коричневой супеси с включениями глины, белокаменной крошки, углей и древесного тлена (включая обрубки бревен) мощностью от 130 до 180 см. В этом слое обнаружены ошкуренные еловые и сосновые бревна, как крупные по диаметру, сопоставимые с бревнами стенки, так и отдельные небольшие обрубки. В северо-восточной части постройки этот грунт перекрывался прослойкой красной глины толщиной 60–80 см, залегающей как под рухнувшими бревнами перекрытия, так и над ними, которая могла быть остатками гидроизолирующего “замка”, перекрывавшего погреб. Однако в юго-западной части изученного фрагмента постройки следы та-

кой прослойки отсутствовали. Там массив темно-коричневой супеси залегал как под бревнами перекрытия, так и над ними.

Общая мощность засыпи темно-коричневой супесью составляла около 3 м. При этом ниже бревен перекрытия сруба кроме измельченной керамики найдено всего три крупных и тяжелых железных предмета (нож, кольцо и брусок), тогда как выше перекрытия этот материал был весьма обильным (36 предметов, к сожалению, без узкодатированных). Объяснить такое различие можно тем, что грунт, залегавший под рухнувшим накатом, представлял собой землю, просыпавшуюся внутрь погребка в ходе засыпки котлована. Перекрытие (если оно было дополнено еще какими-то несохранившимися до наших дней элементами, например дощатым полом) могло представлять собой препятствие для попадания вниз крупных предметов, но не для земли и мелких обломков керамики.

Стратиграфическое положение погребка, прорезавшего слои и постройки XV–начала XVI в., позволяет связывать его со слоем второй–третьей четверти XVI в. Однако керамический комплекс, полученный в его заполнении и состоящий из сильно измельченной керамики, по своей структуре необычен. Основные типы керамики представлены разновидностями красноглиняной (УТК-11) и белоглиняной (УТК-13 и 4) керамики. Их соотношение для верхней части погребка (над срубом и его перекрытием) составляет 65: 3 + 4%, для нижней части сруба (под перекрытием) — 56: 8 + 5%. В этом комплексе хоть и присутствуют редкие обломки чернолощеной посуды XVI в. (1 экз. в верхней части погребка, 6 экз. в нижней его части), общее соотношение основных типов керамики характерно для более раннего слоя начала XVI в. Преобладание среди красноглиняной керамики (УТК-11) венчиков горшков типов 2 и 3 при отсутствии белоглиняных горшков с венчиками типа 4 — также признаки слоя рубежа XV–XVI вв. Однако надо иметь в виду, что заполнение нижней части погребка — это не отложения периода его функционирования, а грунт его засыпки. Видимо засыпка котлована заброшенного погребка осуществлялась срезанным поблизости грунтом слоя конца XV — начала XVI в., в котором присутствовал в переотложенном виде и более ранний материал (обломки золотоордынских кашинных чаш, стеклянных перстней, русская монета рубежа XIV–XV вв.).

Можно предположить, что погреб был построен в конце XV или начале XVI в. и перестал использоваться во второй–третьей четверти XVI в., спустя непродолжительное время после строительства. После этого в погреб были сброшены белокаменные отески (мусор от каменного строительства), а затем проводилась засыпка более

ранним культурным слоем, срезанным где-то на стороне специально для заполнения огромного котлована. Перекрытия погребов могли рухнуть непосредственно перед засыпкой (или даже в ходе нее), из-за чего вдоль стенок погребов остались пустоты и участки с разуплотненным грунтом. Этот привело впоследствии к тому, что в юго-восточной стенке бревна 3-го венца было выдавлено окружающим грунтом внутрь сруба.

Сооружение 59 выделяется своими размерами и конструктивными особенностями среди прочих построек, исследованных в Большом сквере. Местоположение его к востоку от Архангельского собора, хронологическая связь с горизонтами конца XV – первой половины XVI в. и относительная кратковременность существования позволяют сделать следующее предположение. Постройка представляла собой часть комплекса великокняжеской усадьбы – “двора древяна”, поставленного для Ивана III в 1492 г. на “Ярославичском месте” (Полное собрание..., 1859. С. 225) и, вероятно, упраздненного после переезда его преемника, Василия III, в “новый двор в кирпичной”, построенный на “старом месте у Благовещения” (Полное собрание..., 1859. С. 249). Данная интерпретация не может быть пока окончательно обоснована, поскольку в раскопе вскрыта лишь малая часть постройки, а датировка ее остается в относительно широком интервале.

Большинство спилов дерева, взятых в раскопе, не удалось датировать путем привязки к разработанным в настоящее время дендрохронологическим шкалам. Это связано, в том числе, с широким использованием в Кремле для строительства дерева относительно молодого возраста (до 80 лет), по которому не всегда возможно получить надежные хронологические реперы. В лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН А.А. Карпухиным датированы лишь три спила со строительных деталей, оказавшихся в качестве мусора в заполнениях разрушенных погребов. Дендродаты 1329 г. (постройка 58, лестница), 1371 г. (постройка 58, обрубков бревна), 1334 г. (постройка 57, доска в завале внутри сооружения) получены по спилам дерева, которое нельзя уверенно связывать с бытованием самих построек. В этой ситуации представленная хронология построек базируется на стратиграфических наблюдениях и датировках керамического и вещевого материала, собранного внутри сооружений.

Таким образом, раскопом в Большом Кремлевском сквере исследована представительная серия построек, функционировавших на территории находившихся здесь во второй половине XII – первой половине XVI в. усадеб. Возможности для полноценной реконструкции усадебной планировки сильно ограничены. Практически все объекты попали в раскоп не полностью –

часть из них уходит за пределы раскопа, часть разрушена или перекрыта фундаментами зданий Новых и Старых Приказов. Они же разбили площадь раскопа на небольшие изолированные друг от друга участки, что не позволяет полноценно проследить планиграфическую ситуацию на разных этапах. Все же некоторые наблюдения можно сделать. В частности, постройка на одном и том же месте погребов (сооружения 50, 57, 58), печей (сооружения 52, 54–56) говорит об устойчивой планировке усадебного пространства на протяжении довольно длительного времени (XIV–первая половина XVI в.).

Большинство изученных на раскопе построек относится к категории углубленных хозяйственных сооружений. В культурном слое многих городов и сельских поселений средневековой Руси они сохраняются лучше других элементов застройки. Обычно подобные объекты интерпретируют как подвалы под крупными жилыми наземными постройками, использовавшиеся в хозяйственных целях: для хранения съестных припасов или иных ценностей. Иными словами, это погреба. Здесь необходимо уточнить, что увязывание подобных сооружений с жилыми постройками как их составных частей, не обязательно. Ведь погреба могли быть и самостоятельными постройками, располагаясь не под наземным срубом, а около жилища. В частности, М.Г. Рабиновичем по материалам раскопок в Зарядье и Заяузье выделено 12 погребов, стоявших на территории усадеб отдельно от жилых домов (Рабинович, 1964. С. 228). В ряде случаев свидетельством того, что углубленная постройка была подземной частью жилища, может служить характер ее заполнения, например присутствие в нем конструктивных частей находившейся сверху постройки, в частности, развала печи, стоявшей на полу жилища рядом с погребом. В качестве ближайшей аналогии подобной ситуации можно назвать сооружение Т1-32 из раскопа I ИА РАН 2007 г. на Подоле Московского Кремля (Панова, Коваль, 2007. С. 218). Большинство же исследуемых раскопками углубленных хозяйственных сооружений, интерпретируемых как погреба/подвалы/подполья, не имеют признаков наличия над ними наземной постройки, что не исключает интерпретации части их как отдельно стоящих заглубленных хозяйственных сооружений (погребов). Тем не менее большинство погребов, выявленных раскопками в Большом сквере, судя по характеру культурных отложений, должны быть реконструированы как углубленные хозяйственные части построек, основной частью которых были наземные срубы.

Исследованные в Большом сквере остатки деревянных погребов свидетельствуют о присутствии плотной усадебной застройки в юго-восточной части Кремля, на краю коренной террасы Москвы-реки в XIV–начале XVI в. Они существенно допол-

няют источниковую базу этой категории сооружений для территории Москвы.

Исследование выполнено в рамках НИР Института археологии РАН “Московский Кремль по материалам новейших археологических исследований: культурный слой, архитектурные сооружения, артефакты” (№ НИОКТР 122011100062-2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. 524 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
- Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Методика полевых археологических исследований. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2016. С. 103–133.
- Ланшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Фак-т филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. 540 с.
- Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Модин Р.Н., Панченко К.И., Яганов А.В. Новые исследования в Московском Кремле: раскопки здания Приказов // Российская археология. 2020. № 3. С. 96–113.
- Панова Т.Д., Коваль В.Ю. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 29009.
- Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 301 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 13, 2-я пол. I. Дополнения к Никоновской летописи; II. Так называемая Царственная книга. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. С. 303–532.
- Рабинович М.Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.: Наука, 1964. 354 с.
- Энгватова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриот (Волжская набережная, д. 1) в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 44361.
- Энгватова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу Волжская набережная, д. 1 в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 30438.

STRUCTURES OF THE ESTATE LAYOUT OF THE 14TH–FIRST HALF OF THE 16TH CENTURY IN THE MOSCOW KREMLIN BASED ON THE EXCAVATIONS IN THE GREAT GARDEN

Roman N. Modin^{a, #} and Vladimir Yu. Koval^{a, ##}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: modin.roman@mail.ru

^{##}E-mail: kovaloka@mail.ru

The wooden structures that were part of the manor complexes of the 14th – the first half of the 16th century AD are the remains of above-ground structures and cellars dug into the ground. The latter were log frames placed in a pit dug for them. Most of the log frames were made of oak or young pine and spruce logs, which prevent researchers from obtaining a series of reliable dendrochronological dates. The above-ground (residential and economic) structures have survived in a worse condition, some of them perished in a fire at the end of the 15th century AD. Remains of ovens made of raw bricks are associated with residential buildings. The compact arrangement of the studied structures, the construction of cellars and ovens on the same site testifies to the stable layout of the estate space for a long time – from the 14th to the middle of the 16th century. At the end of the site functioning period, a very large cellar up to 5 m deep appeared on it, which could be related to the temporary court of Ivan III at the end of the 15th century.

Keywords: archaeology of Moscow, the late Middle Ages, cultural layer, estate layout, cellar, log house.

REFERENCES

- Arkheologiya Romanova dvora: predystoriya i istoriya tsentra Moskvy v XII–XIX vekakh [Archaeology of Romanov Court: prehistory and history of the Moscow centre in the 12th–19th centuries]. N.A. Krenke, comp. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2009. 524 p.
- Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and contractual charters of the great and appanage princes of the 14th–16th centuries AD]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 585 p.
- Engovatova A.V. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Yaroslavle na meste stroitel'stva otelya Meriot (Volzhskaya naberezhnaya, d. 1) v 2007 g. [Report on salvage archaeological excavations in Yaroslavl at the construction site of the Mariotte Hotel (1 Volzhskaya embankment) in 2007]. *Arkhiv Instituta arkheologii*

- RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 44361.
- Engovatova A.V.* Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Yaroslavle po adresu Volzhskaya naberezhnaya, d. 1 v 2008 g. [Report on salvage archaeological excavations in Yaroslavl at 1 Volzhskaya embankment in 2008]. *Arkhir Instituta arkheologii RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 30438.
- Koval V.Yu.*, 2016. Primary recording of frequent ceramic finds on sites of the Middle Ages and the Early Iron Age in the forest zone of Eastern Europe. *Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy [Methodology of field archaeological research]*, 9. Moscow: Institut arkheologii RAN, pp. 103–133. (In Russ.)
- Lapshin V.A.*, 2009. Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) [Tver in the 13th–15th centuries (based on materials from excavations in 1993–1997)]. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterb. gos. univ. 540 p.
- Makarov N.A., Koval V.Yu., Modin R.N., Panchenko K.I., Yaganov A.V.*, 2020. New investigations in the Moscow Kremlin: excavations of the Prikazy building. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 96–113. (In Russ.)
- Panova T.D., Koval V.Yu.* Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Taynitskogo sada v Moskovskom Kremlе v 2007 g. [Report on the salvage archaeological excavations at the Tainitsky Garden site in the Moscow Kremlin in 2007.]. *Arkhir Instituta arkheologii RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 29009.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 8. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the chronicle of the Resurrection list]. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1859. 301 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 13, 2. Dopolneniya k Nikonovskoy letopisi. Tak nazyvaemaya Tsarstvennaya kniga [Supplement to the Nikon Chronicle. The so-called Regal Book]. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1906, pp. 303–532.
- Rabinovich M.G.*, 1964. O drevney Moskve. Ocherki material'noy kul'tury i byta gorozhan v XI–XVI vv. [About old Moscow. Studies in the material culture and everyday life of the townspeople in the 11th–16th centuries AD]. Moscow: Nauka. 354 p.